

Лю Сюнь и Лю Цзин были похожи и одновременно непохожи. Госпожа Мэн вспомнила, как удивилась, когда впервые узнала, что Лю Сюнь — родной брат Лю Цзина. Лю Цзин тогда засмеялся:

— Не виню тебя за это. Никто не верит, что Сюнь родился таким красивым.

«Ты тоже красивый», — вспомнила Госпожа Мэн, что думала тогда, но не сказала вслух. Лю Цзин действительно был красив — с ясными глазами, как звёзды, и бровями, словно мечи, уходящими к вискам. В ночь свадьбы, когда он поднял её свадебное покрывало, она взглянула на него лишь раз и больше не смогла смотреть, сердце её готово было выпрыгнуть из груди. Небо действительно благоволило ей.

При ближайшем рассмотрении черты лица братьев были схожи на пять-шесть частей, но один был воспитан в роскоши и неге, его лицо излучало спокойствие и добродушие, а другой вырос в трудностях и борьбе, и в уголках его глаз и бровей читалась суровость.

Попав в усадьбу Лю, Госпожа Мэн наконец смогла ближе познакомиться с родителями и братом, которых Лю Цзин так хвалил. Она коснулась браслета на руке и сказала:

— Ты не обманул меня. Твои родители и брат действительно замечательные.

Но почему ты обманул меня, сказав, что обязательно вернёшься?

Лю Сюнь отправился с Лю Юньчжао на прогулку, сопровождаемый, как обычно, только Дэдэром. В карете Лю Сюнь посмотрел на Лю Юньчжао, который сидел, закутавшись в капюшон, и спросил:

— Юнь, хочешь посмотреть на улицу?

Лю Юньчжао покачал головой, а когда Лю Сюнь хотел открыть занавеску кареты, даже заволновался:

— Дядя, опусти занавеску, ветер задует, и у меня заболит голова.

Прибыв в усадьбу Ли, привратник доложил, и Ли Цзи лично вышел встретить их:

— Я так занят, что едва успеваю поворачиваться. Ты пришёл помочь или устроить беспорядок?

— Мой племянник узнал, что тётя выходит замуж, и захотел увидеть жениха. Кстати, он предупреждает, что будет твоей опорой, и если ты плохо обойдёшься с тётей, он тебе покажет, — с улыбкой сказал Лю Сюнь.

— Как я посмею, — ответил Ли Цзи, глядя на мальчика, словно вылепленного из фарфора. Он повернулся к Лю Сюню:

— Ты явно пришёл, чтобы устроить мне неприятности. Моя мать обожает детей, и, увидев такого красавчика, она не отпустит его до вечера.

— Зайдём поздороваться с тётушкой и уйдём, — сказал Лю Сюнь. — Готовься как следует, и если где-то упустишь нашу девушку, в следующий раз я не буду так любезен.

Ли Цзи действительно был занят, и Лю Сюнь не собирался задерживаться надолго. После того как они поздоровались с семьёй и получили подарки, они попрощались и уехали. В карете Лю Сюнь сказал:

— Мы редко выбираемся, так что не будем спешить домой. Дядя покажет тебе ещё одно место.

Лю Юньчжао кивнул:

— Как скажете, дядя.

— Какой ты послушный, — улыбнулся Лю Сюнь.

Лю Сюнь привёл Лю Юньчжао к Ян Цяо. Он без церемоний постучал в дверь, и хотя Ян Цяо ещё не вернулся с работы, Лю Сюнь провёл племянника в кабинет.

— Это дом моего друга. Он настоящий учёный, и, проводя время с ним, ты сможешь многому научиться.

В кабинете, где не топили, было прохладно, но вскоре слуга принёс жаровню. Чуть позже он вернулся с чаем и закусками. Лю Сюнь опустился на подушку, прислонился к спинке и, обернувшись к жаровне, похлопал рядом:

— Садись, Юнь.

Лю Юньчжао привык, что, когда он с матерью ходил в гости, его либо брали на руки, либо щипали за щёки, и он не мог отойти от матери ни на шаг.

Но здесь дядя сидел, скрестив ноги, прислонившись к спинке, словно они были дома.

Когда Ян Цяо вошёл, он сразу понял, что Лю Сюнь здесь. Этот человек, который в последнее время даже не появлялся в Академии Ханьлинь, наконец показался. Увидев спину Лю Сюня, он спросил:

— Разве ты не говорил, что на полу холодно и не хочешь сидеть на земле?

Ян Цяо любил низкую мебель, и, кроме кресла перед письменным столом, у него были только низкие скамейки.

Скамейки предназначались для гостей, а близкие друзья обычно сидели на полу.

— Ты же приготовил мне ковёр, не сидеть на нём было бы расточительством твоего внимания, — ответил Лю Сюнь.

Раньше на полу у Ян Цяо зимой лежали хлопковые коврики, и Лю Сюнь не обращал на это внимания, ведь он приходил сюда не ради комфорта. Но теперь на полу лежал ковёр из волчьей шкуры, не самый лучший, но и не плохой.

Шкура, конечно, теплее.

— Кто это? — спросил Ян Цяо, увидев человека, лежащего на коленях Лю Сюня.

Оказалось, Лю Юньчжао, согретый жаровней, начал засыпать и уложил голову на колени дяди.

— Мой племянник. Сегодня я вышел благодаря ему, — сказал Лю Сюнь.

— Он спит. Может, отнести его на кровать? — предложил Ян Цяо.

Лю Сюнь покачал головой:

— Это новое место. Если его перенести, он проснётся.

— Ты что-то нашёл, раз пришёл ко мне в такой спешке? — спросил Ян Цяо, садясь на пол и протягивая руки к жаровне.

Лю Сюнь достал кости линлун, с которыми играл весь день. Ян Цяо взял их и осмотрел:

— Это обычные кости линлун из бычьей кости. Кости линлун обычно делаются внутри страны, и нет никаких указаний на происхождение, так что их трудно отследить. Откуда у тебя эти?

— Что ты думаешь, когда слышишь о костях линлун? — спросил Лю Сюнь.

— О Няньну, — ответил Ян Цяо.

Подождав немного и не увидев реакции, Лю Сюнь с выражением разочарования на лице сказал:

— Любовница великого поэта Мубая. Она была дочерью знатной семьи, но после разорения семьи попала в бордель. Мубай полюбил её, и они стали неразлучны. После смерти Мубая она снова оказалась в борделе из-за недовольства его жены. Хрупкая красавица, превратившаяся в прах, любовь, которая не продлилась долго, судьба, которая не дала им быть вместе. Поэт и красавица — это трагическая история.

— Няньну и Мубай дали клятву под луной. Мубай долго не приходил, и Няньну сделала для него кости линлун. «Кости линлун с красными бобами, знаешь ли ты, как глубоко моя тоска?» Мубай, тронутый её чувствами, вернулся и забрал её, — с досадой сказал Лю Сюнь. — Ты действительно не знаешь этой истории? Что ты вообще читал?

Ян Цяо рассмеялся:

— Я лишь смутно помню, что в одной книге читал, что Мубай был подкаблучником и боялся жены, как тигра. Он никогда не брал наложниц, а после смерти жены переехал в даосский монастырь и прожил до семидесяти девяти лет. Эти романтические истории я действительно не читал.

— Это не главное, — сказал Лю Сюнь, на мгновение забыв, читал ли он это в исторических записях или в романах. — Эту историю даже ставили в театрах и рассказывали в чайных. Наверняка многие её слышали. Но это не главное.

— Няньну была проституткой. Так что, может, кости линлун, которые были у тех троих, были подарками от проституток? — предположил Лю Сюнь. — Последний, Чжу Лаосань, убил человека возле тайного борделя.

— Проститутки бывают разные, — сказал Ян Цяо. — Ты знаешь о тайных борделях, но вряд ли понимаешь, что это за группа людей. Они, возможно, даже не знают значения фразы «Кости линлун с красными бобами».

— А ты знаешь, — сказал Лю Сюнь. — Не недооценивай людей. Я просто не могу поверить, что ты не знаешь о Няньну.

Ян Цяо рассмеялся:

— Хорошо, я поручу кому-нибудь проверить это направление.

— Это не отчаяние, а попытка, — сказал Лю Сюнь. — В любом случае, это как искать иголку в стоге сена. Может, повезёт.

Старшая сестра выходила замуж, и наложница Хуэйфэй хотела увидеть свою сестру. Государь разрешил, и старая госпожа вместе с невестками и Лю Цзиншу отправились во дворец. Четвёртая невестка смотрела на дочь с радостью, но у неё не было времени поговорить. Хуэйфэй спросила о Лю Цзиншу, сказала пару слов и велела служанке отвести её выбрать подарки для свадьбы.

Хуэйфэй и старая госпожа обменялись несколькими тёплыми словами.

— Бабушка, как поживает Сюнь?

— Он всё такой же. Внешне ласковый, но внутри держит дистанцию. Всё-таки он не родной, — с ноткой пренебрежения сказала мать Лю.

— Сюнь близок с Ян Цяо? А как насчёт Ли Цзи? — спросила Хуэйфэй.

— Сюнь и Ян Цяо близки, и Цяоши беспокоится больше нас. Она слишком любит ребёнка, но не знает, как остановить это, — сказала мать Лю.

— Ян Цяо высоко ценится Государем. Если наши дети будут с ним общаться, это пойдёт им только на пользу, — сказала Хуэйфэй. — Если Сюнь сможет сблизиться с семьёй, это будет только плюсом.

— Ваше величество, только ваш отец и третий дядя — ваши родные братья. Вы и дети вашего третьего дяди — одной ветви. Остальные не имеют к вам отношения, и не стоит тратить на них силы.

Перед уходом Хуэйфэй нашла время, чтобы попросить мать заботиться о себе. Четвёртая невестка с грустью улыбнулась:

— Моя утроба не смогла подарить вам родного брата, который бы стал вашей опорой.

— Мама, — сказала Хуэйфэй.

[Отсутствуют]

<http://bllate.org/book/16147/1446257>